

Обращеніе Ромолы до извѣстной степени напоминаетъ исторію Жанеты и Триана ¹⁾, хотя въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ и съ значительными видоизмѣненіями. О задушевности и смиреніи, о чувствѣ братства, которыми дышетъ бесѣда Триана, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи. Савонарола говоритъ тономъ человѣка непогрѣшимаго и властнаго съ заблудшей женщиной. Онъ побуждаетъ гордость Ромолы, искусно затронувъ самую живую и болѣзненную струну ея узавленной души (обвиняя ее въ измѣнѣ долгу, потворствѣ страстямъ, малодушіи—тѣхъ свойствахъ, которыя убили ея любовь къ Тито и заставили покинуть его домъ). И, гонимая страшнымъ призракомъ, Ромола смиряется передъ логикой самоотверженія, передъ проповѣдью креста изъ устъ грубаго доминиканца, одного изъ тѣхъ людей, которыхъ она привыкла презирать за узкій фанатизмъ, невѣжество и суевѣріе. Она зоветъ его отцомъ—именемъ для нея святымъ—она рыдаетъ у его ногъ. По своему воспитанію въ правилахъ древнихъ стоиковъ, Ромола была способна увлечься въ христіанскомъ ученіи одной любовью къ ближнему, чертой, отсутствующей въ отвлеченной классической морали—и потому, вернувшись, по приказанію Савонаролы, во Флоренцію, гдѣ царилъ голодъ, чума и всякія смуты, весьма естественно ушла въ дѣла милосердія.

Исторія отношеній Тито и Ромолы до ея бѣгства представляетъ психологическій этюдъ необычайной тонкости. Столь же художественно изображены послѣдующія болѣе крупныя столкновенія въ жизни супруговъ. Тито, падая ниже и ниже, переходитъ постепенно отъ отчужденія къ враждѣ и ненависти, а Ромола, въ своихъ чувствахъ къ нему—отъ жгучихъ страданій у постели умирающаго къ тупой боли при отпѣваніи трупа. Подъ конецъ она только слѣдитъ за нимъ съ холоднымъ отчаяніемъ, стараясь предупредить бѣды, которыя онъ можетъ навлечь на Флоренцію и близкихъ ея сердцу людей, потому что Тито ведетъ опасную двойную игру съ разными политическими партіями, игру, за которую платятъ жизнью достойнѣйшіе граждане, и которая въ концѣ-концовъ губитъ его самого.

Весьма интересна также исторія второго удара, постигшаго сердце этой женщины, т.-е. ея разочарованія въ Савонаролу. Когда Ромолѣ пришлось увидѣть честолюбивые расчеты, уклончивость и малодушіе въ любимомъ учителѣ, котораго она счи-

¹⁾ Жаль только, что сцена слишкомъ растянута въ „Ромолѣ“ и постепенно расхолаживаетъ читателя; въ „Исповѣди“ же напротивъ сила впечатлѣнія нарастаетъ до конца.